

политические романы Баркляя и Фенелона, так как они содержали в себе «примеры и учения о политике и о добрых нравах». И, наоборот, презрительно отвергал литературу развлекательную, легкую, которая, с его точки зрения, не исправляет нравы и не просвещает читателя. Такому презрительному осуждению подвергались любовно-авантюрные романы, сказки за то, что они «никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют; но только разве своим нескладным плетением на смех приводят, как в сказке о Бове и великая часть французских романов, которые все составлены от людей неискующих, и время свое тщетно препровождающих».⁶ В устах поэта, который в своих торжественных одах учил правителей разумной политике, эти слова звучат естественно и понятно.

В теоретических работах Ломоносова мы находим также объяснение таких приемов его поэтики, в которых некоторые исследователи видят элементы какого-то другого художественного метода, помимо классицизма. Таким отступлением от эстетики классицизма иногда считают напряженную метафоричность стиля, различные приемы поэтического парения — восторженность, гиперболизм и т. п., которые как бы эмоционально окрашивают стихотворения Ломоносова и тем самым нарушают рассудочные принципы классицизма.

Нам же представляется, что пристрастие к подобным приемам является только индивидуальным художественным своеобразием поэта, и определяется оно стремлением Ломоносова говорить о важном, значительном, отвечающем общегосударственным потребностям. Во всяком случае, рассматривать эти особенности поэтики Ломоносова как признак нарушения принципов классицизма, значит отрицать возможность внутреннего многообразия в пределах одного стиля.

Кроме того, нельзя вырывать отдельные поэтические приемы художника из общей системы его эстетических представлений. Если соотносить метафоричность стиля, различные космические сравнения и другие частные особенности поэтики Ломоносова с его пониманием цели литературного творчества, на основании которого можно говорить о классицизме Ломоносова, то между ними обнаружится закономерная связь.

Например, обобщая и обосновывая свою собственную одическую поэтику, Ломоносов выдвигает такой критерий употребления метафор, который не нарушает рассудочных построений классицизма: «Чтобы метафора была не чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова дают больше оной темноты, нежели ясности».⁷

⁶ Там же, стр. 223.

⁷ Там же, стр. 51.